

УДК 93/94; 327

DOI 10.32726/2411-3417-2021-4-71-81

Ханна Ковальска-Стус

Северная война в оценках польских историков

Аннотация. Польская историография, сосредоточенная на разделах Польши и ее образе жертвы, склонна под этим углом зрения смотреть и на прошлое, и на будущее. Большинство польских историков трактуют Северную войну как пролог к попаданию в зависимость от Российской империи и последующим разделам Польши. Однако в целом подходы польской исторической науки к данной теме гораздо более многовекторны. Разные исследователи анализируют события Северной войны в контексте развернувшейся еще в XVII в. шведской экспансии, внутripольских противоречий, широкой панорамы взаимодействий и интересов европейских стран. Автор ставит перед собой задачу познакомить читателя с работами, которые выделяются максимальным стремлением к объективности, исторической правде, рациональному анализу, неприятием упрощения многогранных процессов. Обращается внимание на тот факт, что история как наука подвергается давлению (внешне)политических факторов и мотиваций.

Ключевые слова: Северная война, история Польши, Петр I, Речь Посполитая, польско-русские отношения рубежа XVII–XVIII вв., польская историография.

Высказывания польских историков на тему III Северной войны 1700–1721 гг. (в российской историографии называемой Северной, Великой Северной или Двухдцатилетней войной) складываются в двух направлениях. Одни рисуют широкую панораму взаимодействий и интересов европейских стран. Другие сосредоточены на истории Речи Посполитой, рассматривая Северную войну в контексте шведской экспансии, начавшейся еще в XVII в. Часто эта война трактуется как пролог к попаданию Речи Посполитой в политическую зависимость от России, что в итоге привело к разделам Польши.

Второй подход укладывается в наиболее характерную для польской историографии схему. Нас он здесь интересует в контексте эволюции польской русофобии, нескольких стадий ее развития. Авторы, оценивающие объективность польской историографии с этой точки зрения, сосредоточивались на второй половине XVIII в. и периоде разделов [Bocheński]. О настоящем времени писал Андрей Валицкий [Walicki]. Польская

Сведения об авторе: Ханна Ковальска-Стус (Hanna Kowalska-Stus) — заведующая кафедрой русской культуры и теории культурных систем Института России и Восточной Европы Ягеллонского университета (Краков, Польша), доктор гуманитарных наук; kowalska.hanna@gmail.com.

литература XVI и XVII вв., рисующая карикатурный образ Московии, тоже нашла своих критиков [Waszkiewicz].

Но пока никто не обратил внимания на то, в каком ключе — в качестве важного события польской истории — представлена в польской исторической науке III Северная война. Александер Бохеньский (Александр Бохенский) в своей книге подробно показал предвзятость современного типа польской историографии, возникновение которого можно отнести к XIX столетию [Bocheński]. Мы же здесь ограничимся рассмотрением польских исследований на тему III Северной войны, появившихся начиная с 1919 г.

Историография межвоенного периода

Одним из выдающихся польских историков первой половины XX в., забытым сегодня, был Юзеф Фельдман — автор книги «Польша во время Великой Северной войны 1704–1709», изданной в Кракове в 1925 г. [Feldman Polska w dobie...] Это была его кандидатская работа, защищенная в Ягеллонском университете; позже он продолжил исследование этого периода в своей докторской диссертации. Фельдман был евреем, принявшим христианство. Возможно, этот факт сказался в большей объективности его оценок по сравнению с другими польскими историками.

В начале своей книги Фельдман подчеркивает, что Речь Посполитая была совсем не подготовлена к III Северной войне. Этот факт предопределил ее дальнейшую судьбу, так как исход войны имел решающее значение для дальнейших судеб Восточной Европы и бассейна Балтийского моря. Учитывая трагический опыт Шведского (Кровавого) потопа, как именуют в Польше шведское вторжение середины XVII в., с его бедственными последствиями, Речь Посполитая не могла позволить себе ничего, кроме как занять позицию нейтралитета. Пассивное поведение было обусловлено также внутриполитической ситуацией. «На внешнее смятение Речь Посполитая ответила гражданской войной», — подчеркивает историк. Под шведским натиском одна часть шляхты стремилась к свержению с престола Августа II Саксонского, а другая вступила вместе с королем в союз с Петром I на основе Нарвского трактата. Союз с Москвой, которому Фельдман в общем симпатизирует, он оценивает как странный союз двух противоположных стихий, какими были Московское царство и польское государство.

Речь Посполитая, оставаясь нейтральной на первом этапе Северной войны, поспособствовала победе Петра I. Историк доказывает, что застрявшие под Львовом шведские войска позволили Петру завоевать Нарву. Фельдман отмечает геополитический гений Петра I, увидевшего подходящее, с точки зрения театра военных действий со Швецией, расположение Речи Посполитой. Ее север открывал путь к Балтике, юг — к горячим точкам венгерского восстания во главе с Ф. Ракоци, соприкосновения Европы с татарским Крымом и турецкой Портой. Однако трудность для Петра создавало то, что Речь Посполитая не являлась тогда единым государством. Ее прогрессирующий распад на Корону (Королевства Польского) и Литву стал очевиднее, чем когда-либо со времени Люблинской унии 1569 г. Свидетели эпохи утверждали, что внутренние

распри в Литве выявили все слабости Речи Посполитой. (Отметим, что польский историк и писатель Павел Ясеница позже тоже критически оценил союз Польши с Литвой с точки зрения его дальнейшего развития [Jasienica Polska Jagiellonów; Jasienica Rzeczpospolita obojga...].)

Прежде всего, литовская шляхта разделилась на сторонников Карла XII и Петра I. В 1702 г. был подписан первый договор Литвы с Россией, в котором Петр I обязывался оказать военную помощь разоренной шведами Литве и выплатить 40 тыс. рублей на вооружение в обмен на имения Сапеги — союзника Карла XII. В июне царь опубликовал грамоту, адресованную литовцам, в которой обещал всем убежище в границах Московского государства, гарантировал безопасность и привилегии.

Другая ситуация, как убедительно показывает Фельдман, образовалась в Короне, где сказывался прочно укорененный польско-московский антагонизм. Шведская дипломатия упирала на общие интересы и возможность для поляков вернуть отошедшие к Москве территории. В Польше зрела новая идея общего фронта против Москвы в союзе с казаками и Турцией. Однако большинство поляков не желало вести войну в союзе со шведами.

Фельдман приходит к выводу, что Петр I намеревался обратить против шведов силы Речи Посполитой, которую царь считал серьезным союзником, способным оказать существенную военную помощь. Историк полагает, что Петр видел себя в роли защитника Речи Посполитой от шведов. Во всех неудачах в реализации петровских намерений Фельдман обвиняет царского тайного советника Иоганна Рейнгольда фон Паткуля, лифляндского дворянина. Паткуль, перешедший на службу к Петру от Августа II, стремился предстать в глазах русской государственной администрации в роли европейского дипломата — специалиста по делам Польши и притом закулисно продвигал идею расчленения Речи Посполитой.

Главная проблема состояла в том, что Речь Посполитая потеряла политическую целостность и стала заложником двух партий, связанных с варшавской и Сандомирской конфедерациями. Первая поддерживала Карла XII (и привела к свержению с польского престола короля Августа II Сильного в 1706 г.), вторая — Петра I¹. Сандомирской конфедерации Петр обещал 60 тыс. рублей на вооружение и другие выгоды. Свои требования предъявляли литовские магнаты, в ответ на что Петр требовал от них гарантий целостности Литвы и Польши. Фельдман — единственный среди известных польских историков, кто обращает внимание на этот немаловажный факт. Стоит это особо подчеркнуть, так как Россия в польской историографии представлена главным архитектором разделения и захвата Речи Посполитой начиная со времен Петра I.

1 Стоит подчеркнуть, что эта разделенность – постоянная черта политической культуры польских элит, актуальная до сих пор.

Фельдман подробно разбирает сложную ситуацию внутри Речи Посполитой в период III Северной войны. Он доказывает, что там не могло быть ни подающей надежды политической программы, ни перспективных планов на будущее. Все зависело от конъюнктуры, внешних влияний, выгод и амбиций магнатов. Ежи Доминик Любомирский (1664-1724) — воевода краковский, гетман Адам Сенявский и Ян Ежи Пржебеновский добивались для себя особых преимуществ. Фельдман подчеркивает, что ни в одном из договоров между Речью Посполитой и другими государствами роль частных интересов не была столь велика. Магнаты не хотели соглашаться на помилование Петром казацких бунтовщиков, хотя этого требовала ситуация, однако за обещание годовой пенсии в двадцать тысяч рублей смирились. Впрочем, Любомирский все равно предал Петра — за плату, обещанную Карлом.

Как справедливо замечает Фельдман, именно тогда в прошведском лагере магнатов Речи Посполитой (во главе с Ежи Домиником Любомирским созревала идея союза с Турцией против Москвы, которая позже расцвела пышным цветом в лагере противников короля Станислава Августа II, договаривавшегося с Екатериной II, а в XIX в. нашла реализацию в ходе Крымской войны, в которой многие поляки воевали на стороне Турции [См. Ковальска-Стус]. При этом нельзя забывать, что в 1683 г. польский король Ян III Собеский спас осажденную турками Вену, положив конец продвижению Османской империи вглубь Европы. Отношения с Турцией — один из многих примеров противоречивости в истории Польши.

Фельдман доказывает, основываясь на скрупулезных расследованиях, что Нарвский трактат с Петром, в отличие от Варшавского договора 1705 г. с Карлом, был «проявлением равноправия и соразмерности обоих контрагентов. В то время как из каждой строчки Варшавского договора явствует заносчивое превосходство одной стороны над другой» [Feldman Polska w dobie...]. Такая констатация очень редко встречается в польских исторических рассуждениях.

Еще один важный момент, проигнорированный большинством историков, — поддержка, оказанная Петру Ватиканом в этой войне. Это, конечно, было связано с надеждой Рима оказывать влияние на Россию и Саксонию Августа II. Папский нунций получил инструкции положительно относиться к царю, что увязывалось с согласием Москвы на деятельность ордена капуцинов в России.

Фельдман выделяет немаловажный казацкий фактор. Шляхта требовала выдворения с границ Речи Посполитой казаков и калмыков, которые «своим поведением отводят сердца обывателей от союза с царем» [ibidem]. Проблема Украины все время грозила распадом коалиции с Петром. Польская сторона угрожала, что если Украина не вернется в границы Речи Посполитой, то будет отнята силой. Этому сопутствовали очередные требования денег.

Проблему взаимоотношений между свергнутым в 1706 г. с престола Августом II и ставленником шведов Станиславом I Лещинским Фельдман освещает в пользу Пет-

ра I, определяя его позицию как «свидетельство эластичности взглядов, умение лавировать между воюющими сторонами. Царь дал свидетельство дальновидности намерений, которые имела на европейской арене царская дипломатия» [Ibidem]. Петр I утверждал, что его намерением является защитить польскую свободу от Карла XII. Он проявил готовность вывести свои войска и признать все внутренние решения Речи Посполитой, вплоть до признания королем С. Лещинского¹.

В исследовании Фельдмана обращается внимание еще на один важный аспект Северной войны. Шведские войска отнимали у крестьян Речи Посполитой все: зерно, сельскохозяйственные орудия и продукты. После этой войны население оказалось в крайней нищете и впоследствии попадало в большую крепостную зависимость, в то время как шляхта устраивала балы. Но прежде всего Фельдман ставит шляхте в упрек то, что она забыла о внешне- и внутривполитических задачах страны, а тем временем партийные интересы завязались в гордиев узел, интриги и измены определяли ход событий — все это и вело к польской катастрофе.

Интересны фрагменты, посвященные Мазепе. Фельдман замечает, что в 1708 г. с украинским гетманом заключили союз Станислав I Лещинский и Карл XII — несмотря на то, что Мазепа три раза устраивал набеги на Польшу и опустошил ее земли, был противником Брестской унии. Невзирая на это, Лещинский обещал ему государство наподобие Курляндии на землях Полоцкого и Витебского воеводств.

Специфика исторических интерпретаций Юзефа Фельдмана связана с тем, что он был воспитанником Краковской исторической школы, учеником таких выдающихся историков, как Валериан Калинка, Станислав Смолка, Михал Бобжинский, Станислав Тарновский. Они создали совсем новый, критически переосмысленный по сравнению с историографией XIX в. образ истории Речи Посполитой. Научным руководителем кандидатской диссертации Фельдмана был профессор Станислав Кот, историк, политик и дипломат, посол Польши в Москве в 1941-1942 гг.

Однако докторская диссертация Фельдмана «Польша и восточный вопрос. 1709–1714» [Feldman Polska a sprawa...], которую он писал под влиянием противника Краковской исторической школы, профессора Владислава Конопчинского — очень влиятельного историка, приехавшего в Краков из Варшавы, — по-другому ставит акценты. Дискурс в этой книге ведется в двух направлениях. С одной стороны, подчеркивается принадлежность Речи Посполитой к Восточной Европе с ее геополитическими проблемами, определяющая роль в решении которых после победы Петра I над Швецией объективно перешла к Петру. Историк честно выявляет все недостатки политики Августа II, его измену, конфликты между магнатами. С другой стороны, у него появилась уже ан-

1 Здесь историк вплетает сюжет с упоминавшимся выше трансильванским князем Ф. Ракоци в качестве одного из претендентов на польско-литовский престол, рассматривая эту историю как хитроумную международную интригу. Любопытно, что Фельдман уделяет внимание и роли польских женщин в процессе формирования политических решений, особенно жены гетмана Сенявского; к сожалению, эту роль нельзя оценить положительно.

тирусская нота, подводящая к выводу, что политическое превосходство России в этот момент прямо вело к порабощению Польши. Одновременно из приводимого Фельдманом материала явствует, что согласие было возможно и тогда, и при Екатерине, и можно было сохранить независимость в условиях союза с Россией. Этот пример показывает, насколько интерпретации в области истории зависят от конъюнктуры. Заметим, что Фельдман не подтасовывал факты, и если корректно оценивать содержащийся у него фактический материал, то можно получить истинную картину событий.

Историография второй половины XX столетия

В послевоенные десятилетия XX в. не появилось ни одной монографической работы, посвященной интересующей нас теме. Однако в исторических публикациях более общего характера по истории России, Польши, Украины она рассматривалась.

«История России» Людвика Базылева — издание, ставшее университетским учебником для нескольких поколений польских студентов, — дает сжатый объективный обзор событий, связанных с Ништадтским миром [Bazyłow, s. 168–172]. Историк вкратце освещает роль Карла XII в политических интригах, связанных с польским престолом. Подчеркивается унижительность для польского трона Альтранштадтского мира 1706 г., связанного с нарушением договора, ранее заключенного с Петром I. Описывается предательство Мазепы в отношении Петра, его союз с Лещинским и шведами, его план образования казацкого княжества оценивается как утопический. Отмечается, что крестьяне на Украине не присоединились к этому плану, — наоборот, выступили против шведов. Много внимания Базылев уделяет Полтавской битве, которой придает переломное значение для истории всех Северных войн. Не обойдены также союз с Пруссией, завоевание Штетина, Эстонии, «Инфлянт» (польское название Лифляндии, или Ливонии) и Финляндии. Автор пространно описывает подвиги российского флота.

Ништадтский мир оценивается здесь как окончательное поражение Швеции. Победа Петра в столь важной для истории Европы войне принесла плоды в виде принятия русским царем титула императора. Базылев останавливается на условиях Ништадтского мира, в особенности — на гарантии свободы вероисповедания. Подчеркивается, что немецкая шляхта с завоеванных территорий Прибалтики начала принимать активное участие в политической жизни Петербурга, достигая высоких чинов.

Историк младшего поколения того же периода, автор книги «История Украины» [Serczyk, s. 171–181] Владислав Серчик, представляющий традицию краковской школы, сосредоточил внимание на роли казачества во время III Северной войны. На первом плане здесь — роль Мазепы и Семена Палия. Пространно характеризуются сложные отношения казаков с Речью Посполитой и Россией. Роль шведов обрисована однозначно негативно. Петр I представлен как единственная в этой опасной и сложной ситуации стабилизирующая сила в регионе. Распространению хаоса способствовали не только шведы, но также казаки, турки и магнаты Речи Посполитой. Петр I представлен как талантливый государственный лидер, политик и дипломат.

Стоит упомянуть еще одного историка, который, не будучи поляком, учился и защищался в Кракове и высоко оценен как исследователь Польши. Это британский историк Норман Девис (сам он представляет себя валлийцем) В Польше изданы его «Игра Бога. История Польши» [Devies Boże igrzysko, s. 650–660] и «Европа. Борьба историка с историей» [Devies Europa... s. 699–700]. Что касается темы Великой Северной войны, то во второй книге Девис в сокращенной форме повторяет то, что написал в «Игре Бога», поэтому мы сосредоточимся на этой первой книге.

Автор называет ответственным за нападение шведов на Речь Посполитую Августа II Саксонского. При этом отмечается, что, побеждая шведов в Риге, король стремился воссоединить Литву с Польшей вопреки намерениям литовских магнатов, выступивших против союза Августа с Петром I. Историк подчеркивает героизм простого народа в сопротивлении врагам на фоне ссорящейся знати.

В этом контексте Петр I показан в роли могучего арбитра, который взял сложные политические дела Речи Посполитой в свои руки. С этого ракурса Девис оценивает и так называемый Немой сейм 1717 г., тогда как большинство польских историков считают это событие проявлением и началом русской агрессии. Девис образно описывает, как Петр вынужден был в 1707 г. несколько месяцев потратить на поиски в Польше «головы гильотинируемой Речи Посполитой, которую можно было бы положить на затылок под гильотину» [Devies Boże igrzysko, s. 654]. Описывая впечатления царя от переговоров со шляхетскими партиями, историк выражает удивление, что польские республиканцы рассчитывали вести себя с ним панибратски. Тогда впервые в русских документах появилось определение «польская анархия». Стремлением Петра, на что очень редко указывают польские историки, было сохранение единства Литвы и Польши, к чему он старался привлечь саксонцев. Но для решения этой задачи требовались единство польской шляхты и ее солидарность с королем, а достичь этого в польских условиях было невозможно.

Здесь раскрывается очень важный контекст III Северной войны. Столь критикуемый в польской историографии Немой сейм на самом деле опережал своими постановлениями (заглавие) Великий сейм времен Станислава Августа и фактически утвердил, как пишет Фельдман, первую конституцию в письменном виде (польское заглавие документа — *Konstytucje*). По повелению Петра, он также устанавливал постоянную численность солдат и обязательных налогов на содержание войск. До тех пор в Речи Посполитой не было постоянной армии — только ополчение, не говоря уже о плачевном состоянии государственной казны в условиях шляхетской свободы как непререкаемой политической догмы. В этом плане Петр I, можно сказать, способствовал государственному укреплению Речи Посполитой.

Девис четко определяет политический маневр Петра по отношению к Речи Посполитой: таким способом шляхта и король были лишены средств, при помощи которых они могли бы друг другу угрожать. Упомянутый сейм в польской историографии назван Немым, потому что условия были оговорены раньше, а сейм дал присягу, что

примет их без дискуссий и протестов. На фоне принципа либерум вето, принятого в сейме Речи Посполитой на протяжении долгого времени, подобный казус не мог вызвать понимания.

В трактовке Девиса — в этом плане оригинальной, — III Северная война, которую он называет Великой, определила начало современной политической истории Польши [Devies, с. 655]. Особый интерес представляет еще одна констатация этого автора. Он отмечает, что политическая элита Речи Посполитой, осознав, что попала в зависимость от России, пыталась отстоять свободу, устраивая мятежи, но этим лишь неизбежно усугубляла свое положение.

Историк обратил внимание и на разочарование Августа II Речью Посполитой, цитируя слова короля, что он будет вынужден выставить ее «на аукцион». Причина состояла в том, что монарх не имел в Речи Посполитой какой-либо реальной власти. Власть над государственными учреждениями, земскими сеймами, судами, армией и церковной иерархией принадлежала магнатам. Они единолично управляли своими вотчинами, а среди шляхты, как в древнем Риме, имели своих клиентов, определяя через них внутреннюю и внешнюю политику.

Современная историография

Несколько интересных статей на рассматриваемую нами тему появились в последнее время. Стоит обратить внимание на статью Петра Вежбицкого «Польша накануне и в эпоху Северной войны — внутренние и международные условия поражения 1700–1721» [Wierzbicki], которая получила награду конкурса «Геополитика и независимость», организованного польским министерством иностранных дел в 2018 г. Автор выдвигает на первый план проблему пропагандистской борьбы сандомирских и варшавских конфедератов. Последние впервые использовали такой же аргумент против союза с Россией, какой выдвигается и сегодня: утверждали, что такой союз угрожает разрушением демократии (тогда шляхетской) в Речи Посполитой. Вежбицкий обратил внимание на несогласованность с Ватиканом политики примаса кардинала Радзиевского, который призывал всю шляхту к союзу с Карлом XII. Шведский король же, по оценке историка, нуждался для завоевания России в ресурсах Речи Посполитой, что привело последнюю к сильной политической и экономической зависимости от Швеции. Это касалось также высоких контрибуций, которые сторонники Карла платили ему.

В то время, подчеркивает Вежбицкий, Россия была для Речи Посполитой единственным союзником, а Швеция — единственным агрессором. Россия обещала присоединить к Речи Посполитой правобережную Украину, оказать военную помощь и дать деньги на оружие. Автор обращает внимание на то, что Петр всегда реагировал на опасность ослабления королевской власти. Когда в 1715 г. образовалась Тарногородская конфедерация против короля Августа II, Петр на протяжении года старался ее умиротворить, что удалось, наконец, при помощи Немого сейма, который одобрил постоянное присутствие русских войск в Речи Посполитой для сохранения порядка.

Интересные моменты содержит статья Михала Петруса «Жестокие усмирения и зона смерти. Шведско-русская война на польской земле» [Petrus]. Впервые предметом исследования стала судьба крестьян в Северной войне. Автор подчеркивает, что наибольшие потери в Речи Посполитой понесли именно крестьяне. Обращает внимание еще на один аспект, отсутствующий в других публикациях. Карл XII верил в богоизбранность Швеции, в ее призвание одержать победу над неверным «Ассуром». За этим именем, подразумевавшим Россию, стояла отсылка к ветхозаветной борьбе Израиля с Ассирией. Вера в свою миссию оправдывала в глазах Карла все преступления шведской армии, а шведские священники подталкивали солдат к убийствам и разжиганию пожаров во имя Божье. После победы шведов в битве при Калише в 1706 г. пленные саксонцы могли рассчитывать на пощаду, русские же подвергались уничтожению. Карл намеревался свергнуть с престола Петра и заменить его сыном польского короля Яна Собеского. Петр I, в свою очередь, проводил политику «выжженной земли» вдоль границы Речи Посполитой с Россией, чтобы лишить врага продовольствия, дорог и мостов, но успел это сделать только вдоль главной линии. Местные жители тогда прятались по лесам. Можно добавить, что в Мазовии курпы организовали довольно эффективное партизанское движение. В одном из сражений с партизанами едва не погиб Карл XII. В порядке усмирения шведы на этой территории истребляли людей целыми деревнями, с женщинами и детьми, пытали и убивали всех. Конец этому беспределу положила Полтавская победа Петра.

Заслуживает упоминания и интересная статья Марии Романовской-Задрожной под названием «Шведские грабежи в Польше. Причины, характеристика и последствия» [Romanowska-Zadrozna]. Она охватывает период от шведского нашествия на Польшу («Шведского Потопа») 1655–1660 гг. до III Северной войны, содержит описание и снимки артефактов. Здесь приводятся небезыңтересные сведения о нищете шведского общества, для которого эта война создала возможность обогащения всех, от простого солдата до короля, который грабил коллекции искусства и библиотеки. До сих пор польские медиевисты вынуждены работать в шведских библиотеках, где находятся многие польские архивы. Вывезены были также регалии из Кракова, разграблены костелы. Ограблению подверглись могилы королей на Вавеле — шведы не пощадили даже гроб Владислава IV из шведской династии Васа, откуда украли два серебряных гвоздя. В общей сложности Вавель подвергся разграблению шведами в ходе трех войн восемь раз. Автор приводит удивительную историю трех солдат, которые украли и на собственных плечах принесли в родную деревню Насгулт (Nashult) огромный средневековый алтарь, где он находится по сей день. Среди другой добычи были колокола, органы, камины, колонны, лестницы, двери, целые книжные собрания (67 библиотек, 17 архивов). Шведы уничтожили десятки дворцов; неповрежденными остались, из наиболее значимых, только два города — Львов и Гданьск. В их понимании, армия должна была сама себя кормить, содержать и оплачивать за счет покоренных либо союзников.

Наконец, по-своему интересна статья Яцка Шимали «Полтавская битва (1709 г.). Обзор избранных современных визуализаций», предметом которой является отображе-

ние символического значения Полтавской битвы в искусстве кино [Szymala]. А Януш Бжоза, в свою очередь, остановился на поэзии периода Северной войны, посвященной этому событию [Bzozza].

* * *

Рассмотренные научные работы не вписываются в мейнстрим польской историографии, которая сосредоточена на разделах Польши и с этой точки зрения смотрит и на прошлое, и на будущее. Они отличаются объективизмом и на удивление переключаются с современностью.

Затронутые здесь проблемы, такие как польско-шведские войны, личность и историческая роль Петра I, внутриполитическая ситуация в Речи Посполитой начала XVIII в., оценка правления Августа II и другие, — сами по себе, взятые по отдельности, в целом исторических исследованиях представлены достаточно объективно. Основная трудность заключается в интерпретации, которая бы сопоставила и соединила все эти аспекты прошлого.

Если говорить о роли Петра I в контексте событий, участниками которых во время III Северной войны были шведы, поляки, литовцы, Август II, то можно отметить следующее. Несмотря на однозначно негативную оценку действий Швеции, польские историки, как правило, трактуют роль Петра I в этих событиях также негативно, связывая ее с последующими разделами Речи Посполитой. На первый план ими выдвигаются факторы, которые, по их мнению, вели к уничтожению польской государственности в пользу России.

Лишь немногие исследования, включая рассмотренные выше, показывают всю сложность и многогранность тогдашней ситуации. Петр I, польские конфедераты, Август II рассматриваются как договаривающиеся стороны, у каждой из которой были свои приоритеты и условия. Наиболее ненадежной и внутренне расколотовой была польская шляхта. Причины этого можно искать в политическом устройстве Речи Посполитой, неэффективном управлении династии Васа, беспощадности шведского нападения и др.

На фоне трагических событий того периода польской истории Петр I предстает в рассмотренных публикациях как дальновидный политик, хорошо ориентирующийся в ситуации и готовый идти на уступки. И самое главное — как проявляющий готовность к сотрудничеству в борьбе со шведами при сохранении государственной целостности Речи Посполитой, которую он поддерживал. Что касается мер принуждения, к которым прибег Петр I, то они выглядят скорее как оправданные, целительные — избавляющие Центральную и Восточную Европу от худших бедствий. Рассмотренные работы польских историков можно оценить как отличающиеся рациональным анализом, стремлением к исторической правде и неприятием упрощений в освещении сложных и многогранных исторических событий.

Литература

- Ковальска-Стус Х.* Поляки в крымской войне. идейная и личная мотивация // Политическое пространство и социальное время: система координат в меняющемся мире, Симферополь. 2019.
- Bazyłow L.* Historia Rosji, Wrocław-Warszawa-Kraków 1969, s. 168-172.
- Bocheński A.* Dzieje głupoty w Polsce. Kraków. 2020.
- Brzoza J.* Szablą i piórem. Uwagi o poezji okolicznościowej początku wojny północnej (1700–1703) // NAPIS. Seria XII. 2006. S. 395–409.
- Devies N.* Boże igrzysko. Historia Polski, przekł. E. Tabakowska, Kraków 1990, s. 650–660.
- Devies N.* Europa. Rozprawa historyka z historią, przekł. E. Tabakowska. Kraków. 1999. S. 699-700.
- Feldman J.* Polska a sprawa wschodnia 1709–1714. Kraków 1926. — URL: kpbk.umk.pl/dlibra/doccontent?id=180457 (date of access: 15.10.2021).
- Feldman J.* Polska w dobie wielkiej wojny północnej 1704-1709. Kraków. 1925. — URL: pbc.gda.pl/dlibra/doccontent?id=2867 (date of access: 16.10.2021).
- Jasienica P.* Polska Jagiellonów. Warszawie. 2018.
- Jasienica P.* Rzeczpospolita obojga narodów. T. 1-2. Warszawie. 2018.
- Petrus M.* Brutalne pacyfikacje i зона strefa śmierci. Wojna szwedzko-rosyjska na polskiej ziemi // Ciekawostki Historyczne. 25.08.2015. — URL: ciekawostkihistoryczne.pl/2015/08/25/brutalne-pacyfikacje-i-strefa-smierci-wojna-szwedzko-rosyjska-na-polskiej-ziemi/ (date of access: 17.10.2021).
- Romanowska-Zadrozna M.* Grabieże szwedzkie w Polsce. Przyczyny, charakterystyka i skutki. — URL: cennebezczenne.pl/wp-content/uploads/2018/08/CBU_2005_3-s-32-37-zadrozna.pdf (date of access: 17.10.2021).
- Serczyk W.* Historia Ukrainy. Wrocław-Warszawa-Kraków. 1990. S. 171–181.
- Szymala J.* Bitwa pod Połtawą (1709). Ogląd wybranych współczesnych wizualizacji // Kultura i Historia, № 36/2019 (2). S. 85-105.
- Walicki A.* O Rosji inaczej, Wyd. Fundacja Oratio Recta. Warszawa. 2019.
- Waszkiewicz J.* Obraz Moskale w piśmiennictwie polskim XVI - XVII w // ECHA Polesia. 05.11.2016. — URL: polesie.org/3294/obraz-moskala-w-pismiennictwie-polskim-xvi-xvii-wieku-2/ (date of access: 12.10.2021).
- Wierzbicki P.* Polska przeddzień i w dobie wojny północnej — wewnętrzne i międzynarodowe uwarunkowania обусловленности (1700-1721). — URL: usa-ue.pl/klasyka-geopolityki-teksty/opracowania/polska-przeddzien-i-w-dobie-wojny-polnocnej-wewnetrzne-i-miedzynarodowe-uwarunkowania-1700-1721/ (date of access: 17.10.2021).